
В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА

В. Л. Комарович — исследователь русских летописей

Перед Великой Отечественной войной в Ленинграде работали два специалиста по истории русского летописания, которые готовили монографии по этой теме, так и не увидевшие свет, потому что авторы их погибли, не успев завершить работу. Речь идет о В. Л. Комаровиче и Н. Ф. Лаврове.

Василий Леонидович Комарович был выпускником историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, который окончил в 1917 г. А. А. Шахматов был одним из его преподавателей. Занимался В. Л. Комарович в университетские годы пушкинистикой.¹ Но с 1930-х гг. древнерусская литература стала главным предметом его изысканий, и именно — история русского летописания. В эти годы он становится близок к кругу филологов-древников, сосредоточенных вокруг Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, образованного в 1932 г. Имя А. А. Шахматова в Отделе было окружено особым поклонением. Вскоре начало готовиться академическое издание «Истории русской литературы».² В. Л. Комаровичу было поручено писать разделы о летописании (совместно с В. П. Адриановой-Перетц) в первых двух томах этого издания. Им были написаны разделы в главах о «Повести временных лет» (гл. III) и областных летописных сводах XI—начала XIII вв. (гл. V) в первом томе, а также разделы в главе об областной литературе периода феодальной раздробленности (1220—1370 гг.), о литературе времени объединения Северо-Восточной Руси (1380—1460 гг.) и литературе времени образования Русского государства (1460—1530-е гг.)

Если обратиться к разделам, написанным В. Л. Комаровичем, видно, что в изложении начального периода русского летописания («Повесть временных лет» и ее редакции) он почти целиком следовал за А. А. Шахматовым. Однако некоторые акценты показывают, что это была не просто компиляция на основе работ последнего, но что исследователь самостоятельно изучал проблемы истории летописания, сверял летописные тексты, причем привлекал, в отличие от А. А. Шахматова, не только ранние из них, но и позднейшие. Это объяснялось тем, что одновременно с написанием глав для «Истории русской литературы» В. Л. Комарович писал тогда свою собственную монографию по истории летописания. Она осталась неоконченной после смерти В. Л. Комаровича 17 февра-

---

¹ Подробное см.: Богданова О. Василий Леонидович Комарович // ВЛ. 1988. № 9. С. 130—151; Крюкова Т. А. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 583—588; Бобров А. Г. [В. Л. Комарович] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб., 2002. С. 356—362.

² История русской литературы. Т. 1. Литература XI—начала XIII века. М.; Л., 1941; Т. 2. Литература 1220-х—1580-х гг. М.; Л., 1945.

ля 1942 г. и хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома: ф. 1, оп. 12, № 388. Две ее главы были впоследствии опубликованы в ТОДРЛ.³

Видно, что целые куски «Истории русской литературы» совпадают с главами указанной выше неопубликованной рукописи, носящей общее название «Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора», например, с главой этой рукописи «Повесть временных лет и предшествующие ей своды». Используя эти работы, можно попытаться реконструировать взгляды В. Л. Комаровича на историю русского летописания и его подходы к изучению этого материала, определить отличие от А. А. Шахматова и сходство с ним.

К общим для рукописи книги и «Истории русского летописания» относится важное замечание о том, что хотя после А. А. Шахматова образ летописца-писателя и уступил место «более достоверному образу летописца-справщика», но все же, «комбинируя старые известия, летописцы во многих случаях сохраняли их в архаическом виде, угадывая, должно быть, их документальный характер». Именно поэтому «сплошь и рядом сравнительно поздние своды (XV и XVI вв.) содержат известия значительно большей древности, чем иные из старших сводов».⁴ Данная мысль была во многом определяющей для исследователя и привнесла в его работы по истории русских летописей ретроспективный анализ поздних летописных сводов XVI в. И это же объясняет его особое пристрастие к Никоновской летописи, которая часто стоит в центре его построений.

Корни подобного подхода кроются, возможно, в занятиях В. Л. Комаровича фольклорными сюжетами, при исследовании которых как раз такой ретроспективный анализ иногда очень поздних сочинений широко применяется. Если мы обратимся к книге В. Л. Комаровича о Китежской легенде (его кандидатской диссертации),⁵ то увидим, что он применил сравнительно-текстологический анализ при сопоставлении письменных версий Китежской легенды, сравнивая Китежский летописец («Книга глаголемая летописец...»), известный во многих списках, и «Послание отцу от сына из одного сокровенного монастыря...». Проведя сличение списков, автор отметил, что хотя списки Китежского летописца «отличаются друг от друга <...> только частностями», но и ценны именно «своей совокупностью, как показатель определенной более или менее устойчивой редакции памятника».⁶

Анализ состава Китежского летописца как поздней компиляции произведен В. Л. Комаровичем как анализ свода, но скорее не в шахматовском, а в строевском смысле — как сведение воедино нескольких самостоятельных отрывков. Затем было проведено сравнительное изучение Китежского летописца и текста его источника «Летописца об убиении благоверного князя Георгия Всеволодовича», т. е. применен прием, часто используемый А. А. Шахматовым и учеными его школы: текст реального памятника сопоставлялся с текстом гипотетического протографа, выявляемого из текста этого же памятника. В. Л. Комарович, опять же согласно с приемами исследования текстов А. А. Шахматовым, выявлял вставки в тексте Китежского летописца по сравнению с «Летописцем об убиении...». Он определял их чисто текстологическим и ни разу — логическим путем. В качестве еще одного источника исследуемого текста В. Л. Комарович принимал «Повесть и взыскание града сокрытого Китежа», которая существовала когда-то отдельно, а затем, по его мнению, вошла в состав Китежского ле-

³ Комарович В. Л. 1) Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л. 1960. Т. 16. С. 84—104; 2) Из наблюдений над Лаврентьевской летописью // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 27—59.

⁴ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 257.

⁵ Комарович В. Л. Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936.

⁶ Там же. С. 23—25.

тописца. В составе этой «Повести...» он в свою очередь выделял, уже не имея параллельного текста, вставки. Здесь также использовались приемы А. А. Шахматова, например указание на то, что фраза «на первое слово возвращаюсь» всегда отмечает конец вставки. Шахматов анализировал тексты летописей путем именно такого микроанализа.

Сопоставляя Китежский летописец с текстом «Послания отцу от сына...», В. Л. Комарович пришел к выводу о том, что речь в тексте первоначально шла о безымянном монастыре и лишь затем он стал отождествляться с Большим Китежем из «Легенды об убиении...». Выделив источники Китежского летописца, исследователь смог определить вслед за этим авторский вклад составителя сводного текста. Таким образом, его интересовала, как и А. А. Шахматова, не только (и даже не столько) первоначальная основа текста, сколько суть и характер поздних напластований.

Исследуя источники гипотетического «Летописца об убиении...» и определяя время его составления (начало XVII в.), В. Л. Комарович пришел к определенным выводам после сличения текста со святыми и местными легендами.⁷ Дальнейшие догадки автора также лежали вполне в русле шахматовского подхода. Он предположил, что первоначально в протографе «Летописца об убиении...» речь шла не о Георгии Всеволодовиче, а об Андрее Боголюбском, имя которого позднее было заменено. (Вспомним многочисленные предположения такого рода в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» А. А. Шахматова, например о том, что первоначальные упоминания Антония из Свода Антония были затем заменены на Феодосия, и т. д.) В итоге автором была предпринята реконструкция первоначального вида отрывка, повествующего о поездке князя и об основании им (Андреем Боголюбским) города (Городца) и монастыря на Волге.⁸ Реконструкция эта была проведена после работы по сличению Китежского летописца и «Истории» Городца, а также Жития Леонтия Ростовского. Подход, который применил при этой реконструкции В. Л. Комарович, очень напоминает шахматовский. По сути «Летописец об убиении...» (который сам лишь гипотетически является самостоятельным произведением) и его составитель были «разоблачены» (что характерно для приемов Шахматова), были вскрыты их сознательные действия по изменению текста, по замене одних имен и географических названий другими. В. Л. Комарович был занят здесь «восстановлением первоначально читавшегося в отрывке имени князя Андрея», что позволило, по его мнению, «весь рассказ понять в соответствии с другими летописными данными о болгарском походе 1164 г.»⁹

Далее В. Л. Комарович ставил вопрос о том, «к какому своду мог первоначально принадлежать летописный отрывок о построении Андреем в 1164 г. монастыря в Малом Китеже...». Он сделал предположение о том, «что свод этот был ростовским и что в Городце он был использован при попытке создать там местную летопись в 60-х и 70-х гг. XIV столетия», так как «на такую попытку есть как будто указания в тех позднейших московских или общерусских сводах, где отразилось суздальско-нижегородское летописание указанной эпохи». И затем автор добавлял, что в этот же свод мог входить и отрывок ростовской летописи, повествующей о начале старейшего городецкого монастыря. Таким образом, В. Л. Комарович привлек к исследованию Китежской легенды и результаты своих общих занятий летописанием, из истории которого его как раз больше всего интересовало летописание «областное»: ростовское, нижегородско-суздальское и рязанское.¹⁰

⁷ Там же. С. 49—87.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 103.

На А. А. Шахматова как на образец (на анализ А. А. Шахматовым легенды о Борисе и Глебе в «Разысканиях...») В. Л. Комарович прямо указал, отметив, что «местным легендам не последнюю роль приписывал Шахматов в образовании той редакции летописного сказания (о Борисе и Глебе. — *В. В.-Л.*) под 1015 г., которую он относил за счет составителя так называемого Начального свода». Кроме того, он привлек сведения, приводимые А. А. Шахматовым о городе Кидекше и его связи с легендой о Борисе. Кидекша, по В. Л. Комаровичу, — это Китеж (см. у А. А. Шахматова аналогичные построения о названии древлянского города в главе «Разысканий...» о былинных предках Владимира). В. Л. Комарович ссылаясь также на летописную статью 1024 г. о восстании волхвов, трактуя ее по А. А. Шахматову: «Статья эта <...> восстанавливаемая (Шахматовым. — *В. В.-Л.*) в первоначальном своем виде путем дополнения ее в том виде, как она читается в Лаврентьевской, Ипатьевской, некоторыми отсутствующими тут подробностями из летописей Софийской 1 и Новгородской 4, восходит несомненно к одному из сводов XI еще века». И далее В. Л. Комарович приводил рассказ о восстании волхвов так, как он был реконструирован А. А. Шахматовым,¹¹ ссылаясь на реконструкцию А. А. Шахматова в качестве аргумента. Вообще, анализ Китежской легенды в этой части (имена и географические названия) во многом основан уже не на текстологических, а на логических построениях и допущениях, аналогично тем именно построениям А. А. Шахматова, которые В. Л. Комарович использовал. В таком анализе большое значение и у А. А. Шахматова, и у В. Л. Комаровича имело определение подмены имен и географических названий и т. д. В данном случае, применительно к фольклорному в основе материалу, это казалось особенно удачным.

Определив, что В. Л. Комарович находился под влиянием шахматовских работ до и вне зависимости от написания им текста своей монографии, вернемся к анализу последней. В. Л. Комарович отмечал, что «А. А. Шахматову можно поставить в упрек некоторую переоценку его (понятия летописного свода. — *В. В.-Л.*) применимости: наполовину механическая работа сводчика подчас заслоняет от нас в построениях Шахматова даже самые скромные проявления настоящего творчества, которые налицо у отдельных летописцев...».¹² Несмотря на это замечание, начальная история летописания принималась В. Л. Комаровичем в целом по А. А. Шахматову: Древнейший свод, переработка его в 1073 г. Никоном, Корсунская легенда как второй вариант предания о крещении Владимира. Более того, им были приняты и некоторые очень важные положения М. Д. Приселкова, который тогда уже считался главным учеником и последователем А. А. Шахматова, например, его охридская теория.¹³ Новации в схему были привнесены в той ее части, которая касалась редакций «Повести временных лет». В. Л. Комарович хотя и признавал существование редакции 1118 г., но считал ее связанною с Сильвестром и составленною в Михайловом Выдубицком монастыре. Таким образом, у него получалось две редакции Сильвестра: 1116 и 1118 гг. Этот вывод обосновывался некоторыми новыми наблюдениями. В частности, заключительную часть известий ПВЛ о «столпе огненном» над Киево-Печерским монастырем перед смертью Святополка Изяславича В. Л. Комарович связывал с патрональным культом Михайловского монастыря.¹⁴ Год же

¹¹ Там же. С. 136—137.

¹² Комарович В. Л. 1) Повесть временных лет // История русской литературы. Т. 1. С. 259; 2) Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 6.

¹³ Комарович В. Л. 1) Повесть временных лет. С. 3; 2) Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 29.

¹⁴ Комарович В. Л. 1) Повесть временных лет. С. 279; 2) Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 10.

составления редакции совпадал, по В. Л. Комаровичу, с годом ухода Сильвестра в Переяславль (1117 г.).

Иначе, чем А. А. Шахматов, оценивал В. Л. Комарович и связи текста ПВЛ с текстом Киево-Печерского патерика (далее — КПП). Если Шахматов видел в КПП отражение того же самого Печерского летописца, который отразился и в ПВЛ, то В. Л. Комарович полагал, что в КПП отразился самостоятельный памятник, причем более старшей редакции, чем ПВЛ (отличный и от редакции ПВЛ 1116 г., и от редакции 1118 г.). К этому тексту В. Л. Комарович возводил ряд известий КПП, которые не находят параллелей в ПВЛ: об утоплении Григория князем Ростиславом, о заключении Святополком печерского игумена Иоанна в Турове, о прекращении соляной торговли с Галичем из-за войны после 1097 г., о княжении Мстислава Святополчича в Киеве во время отлучки его отца, о посещении Святополком Печерского монастыря перед походом на половцев в 1103 г. и известие о трех «огненных столпах» над монастырем.¹⁵ К этому же слою известий относил он и имя Нестора, по его мнению, читающееся в заголовке. Роль Нестора — это роль летописца-редактора, Нестор переписал и отредактировал свод, оканчивающийся статьей 1093 г. (Начальный свод). При этом В. Л. Комарович использовал только работы Шахматова и не обращался к исследованиям ученых других школ, например С. А. Бугославского, который предположил, что, хотя в КПП и читается имя Нестора-летописца, текст ПВЛ не может принадлежать Нестору.¹⁶

Своеобразным дополнением и развитием концепций А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова явилась попытка В. Л. Комаровича разобрать, что в тексте ПВЛ принадлежит Нестору, а что — Сильвестру. Статьи о Печерском монастыре, о кончине Феодосия Печерского и о печерских старцах не принадлежали, по мнению исследователя, Нестору, о чем прежде всего говорит их содержание. Они были взяты из свода, предшествующего своду Нестора. Нестору же принадлежали лишь некоторые вставки: например, в статье о печерских старцах бесы называются «антихристом» (как и в летописной статье о восстании волхвов 1071 г.). Статья же эта, по мнению В. Л. Комаровича, принадлежит Нестору, так как именно он слышал этот рассказ от Яна Вышатича.¹⁷

Но наряду с изложением творчески переработанных выводов А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова в первой главе рукописи монографии В. Л. Комаровича можно увидеть смещение их взглядов со взглядами В. М. Истрина и Н. К. Никольского. Так, В. Л. Комарович вслед за В. М. Истриным признавал особенно тесную связь древнейшего русского летописания с византийскими хронографами. Начальный свод был, по его представлениям, «архаичным по составу сводом» и близко примыкал к греческой анналистике.¹⁸ Подобно Н. К. Никольскому, В. Л. Комарович писал об особом влиянии на труд Нестора «Сказания о грамоте славянской», из которого летописцем было заимствовано вступление о прародине славян на Дунае.

Вслед за А. А. Шахматовым и согласуясь с собственным опытом изучения фольклорных мотивов в письменных памятниках, В. Л. Комарович полагал важным источником ПВЛ также устное народное творчество. Так, он без колебаний принимал точку зрения А. А. Шахматова на рассказ ПВЛ о последней дани Игоря и его «былинных» родственниках.¹⁹

¹⁵ Комарович В. Л. Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 14.

¹⁶ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 3.

¹⁷ Комарович В. Л. Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 23.

¹⁸ Там же. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 33—34.

Нужно отметить, однако, что эта (первая) глава монографии В. Л. Комаровича, посвященная ПВЛ, мыслилась им, очевидно, скорее вступлением к более важной для него теме областных летописных сводов. Но как раз эту-то часть работы исследователь и не успел закончить. Гл. 2 (или 4, так как главы имеют двойную нумерацию) называется «Две излюбленных темы древнейшей киевской летописи „невегласие“ и „кото-усобица“». Она уже не имеет, в отличие от главы 1, чисто текстологического вида. Но В. Л. Комарович продолжал пользоваться понятиями А. А. Шахматова, например понятием «свод 1177 г.».²⁰ Он использовал и шахматовские реконструкции текстов сводов — Древнейшего и Начального — в рассказе об Олеге. Вообще, стремление к реконструированию ранних слоев исследуемого текста — общая черта А. А. Шахматова и В. Л. Комаровича. Но последний шел еще дальше своего учителя. Так, он полагал, что в ПВЛ видны следы стремления снизить роль Олега. В частности, он писал, что первоначально Ольга — дочь Олега, и видел следы этого в тексте.²¹

Из записок, вложенных в текст рукописи между л. 247 и 248, можно понять, как В. Л. Комарович планировал писать дальше: гл. 7. «Тверское летописание и Арсениевская ред<акция> Патерика»; гл. 2 «Закат дружинной Руси (Галицко-Волынская летопись)»; гл. 3 «Великокняжеское летописание на Северо-Востоке»; гл. 4 «Ростов<ское> обл<астное> летопис<ание>»; гл. 5 «Рязань».

В. Л. Комарович считал, что существовал «Юрьев великокняжеский свод», но «доведенный (вопреки Приселкову) только до 1230 г.», после чего великокняжеская летопись уже не возобновлялась, а развивались местные летописи враждебных Владимиру центров Ростова и Рязани. Тут, по его собственному замечанию, исследователь расхохотился с М. Д. Приселковым, признававшим великокняжеское летописание существующим за весь XIII в., а также считавшим таковым Ростовский летописный свод 1239 г.

В. Л. Комарович полагал, что источник Ростовского свода — не владимирское летописание («как думал Приселков, относя за ее счет гораздо позднейшие распространения мниха Лаврентия»), а рязанская летопись. Особое внимание уделено было рассказу 1237 г., «записанному впервые в летопись именно в Рязани», так как с Рязани начинается рассказ о нахождении Батыя во всех северо-восточных сводах (Лаврентьевской, Троицкой, «Полихроне 1418 г.»), а также Новгородской 1 и Ипатьевской летописях. В. Л. Комарович слышал в этом рассказе голос непосредственного наблюдателя и участника, как и в рязанском эпизоде Новгородской 1 летописи: упоминании князя Ингваря, восстановившего Рязанскую землю после Батыя.²² Главной чертой рязанского рассказа, по В. Л. Комаровичу, являются его сильное патриотическое содержание, настроенность против владимирских великих князей, особенно Юрия Всеволодовича, отказавшего рязанским князьям в помощи. В. Л. Комарович подчеркивал также «черниговские традиции» самой Рязани.²³ Рассказ Ипатьевской летописи о стойком сопротивлении козельцев, по его мнению, — прочерниговский. Ростовский свод позднее добавил ряд эпизодов, например эпизод убийства Василька, имевший «дружинное происхождение». Исторический фон, на котором развивались эти традиции, как подчеркивал исследователь, — волна «вечевых мятежей» на Ростовщине. Поэтому идея летописи: «Русская земля, загубленная великим князем».²⁴

²⁰ Там же. Л. 59.

²¹ Там же. Л. 76—77.

²² Там же. Л. 120.

²³ Там же. Л. 121.

²⁴ Этот сюжет сам В. Л. Комарович собирался печатать отдельно, что видно из примечания, в котором исследователь ссылается на свою статью «Летописный свод мниха Лаврентия» как на находящуюся в печати в т. 5 ТОДРЛ.

Далее исследователь обратил внимание на воинскую повесть об Александре Невском, появившуюся в летописи, по его мнению, не ранее 1262 г., затем — на тверской культ Михаила. В этой части исследования больше собраны материалы о княжеских семьях, культе рода, русских землях вообще, чем текстологические аргументы. Именно так обосновывалась связь Ростова с Рязанью.

В главу 4 (или 8), посвященную суздальско-нижегородским сводам архимандрита Дионисия и Китежской легенде, вложена записка. Из нее следует, что конец главы 8 — Свод 1410 г. и что В. Л. Комарович думал также дать здесь Китежскую легенду в ее «определенном виде» и писать о судьбах древнерусских «областей культуры». Русь после Батыя, по его мнению, разделилась на четыре удельных княжеских гнезда. Суздальско-Нижегородское — одно из них. Для суздальско-нижегородских князей была характерна «чрезмерность культурно-исторических претензий».²⁵ Родоначальником их был Андрей Ярославич, брат Александра Невского. Свод, созданный в 1377 г. — Лаврентьевская летопись, составлен при правнуче Андрея Ярославича.

Далее следует та часть рукописи В. Л. Комаровича, которая была напечатана в т. 30 ТОДРЛ. На л. 172 автор написал, что имеются «неопровержимые доказательства тому, что Лаврентьевская служить источником для Троицкой не могла». При этом исследователь соглашался с М. Д. Приселковым в его определении Свода 1305 г. как владимирского великокняжеского, а не митрополичьего. Выводы А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова об источнике Троицкой — Своде 1305 г. он характеризует как «бесспорные»,²⁶ полагая, однако, что А. А. Шахматов считал Лаврентия автором Лаврентьевской летописи. Вопрос о соотношении Лаврентьевской и Троицкой летописей в связи с работой В. Д. Комаровича вызвал в дальнейшем споры и неоднократно обсуждался в литературе, поэтому мы оставляем его в стороне.²⁷ В. Л. Комарович полагал, что Лаврентий был не простым переписчиком текста Свода 1305 г., а редактором, изменившим его текст и внесшим в него дополнительный материал. Но нам в данном случае важны не конкретные выводы автора, не их убедительность или сомнительность для современных исследователей, а тот метод, с помощью которого они были получены. Можно отметить, что в смысле текстологической аргументации эта глава — одна из самых законченных и обоснованных. Но тем важнее, что текстологической аргументации здесь сопутствует аргументация культурологического плана, связанная с определением исторических судеб суздальско-нижегородского княжеского «гнезда».

Далее в рукописи присутствует глава 6 (л. 249—273), повествующая о начале московского летописания. В анализе последнего В. Л. Комарович исходил прежде всего из содержания летописи, считая ее зародившейся при Успенском соборе Московского Кремля около 1326 г. Первый Московский свод отразился в Троицкой летописи (далее — Тр.), восстанавливаемой, согласно А. А. Шахматову, по Н. М. Карамзину, Симеоновской летописи, Рогожскому летописцу и Воскресенской летописи (л. 251). Реконструкция текста Тр. М. Д. Приселковым тогда еще не была издана. Редактором «Летописца великого русского», источника Тр., В. Л. Комарович считал Киприана (л. 253—254), в отличие от А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, считавших Киприана инициатором создания именно Тр. (Свода 1408 г.). «Летописец великий русский», по В. Л. Комаровичу, включал бедные пока московские записи, а также — старшие новго-

²⁵ Комарович В. Л. Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 266.

²⁶ Там же. Л. 175.

²⁷ См.: Прохоров Г. М. 1) Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // ВИД. Л., 1972. Вып. 4. С. 83—108; 2) Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1973. Т. 28. С. 77—91; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 22, 23 и др.

родский, тверской и суздальско-нижегородский своды. Одним из источников была тверская летопись. Из нее взят рассказ о разорении Твери Иваном Калитой. Задачей Свода был «поиск политического равновесия между Москвой и Тверью» (л. 255). Троицкая летопись — «московский извод 1409 г. Свода 1392 г.». В Симеоновской летописи и Рогожском летописце отразился «Кашинский летописный Свод 1412 г.».

Вслед за А. А. Шахматовым В. Л. Комарович признавал «Владимирский Полихрон» — общерусский Свод 1423 г., связанный с Фотием и отразившийся также в Тверской, Софийской 1 и Новгородской 4 летописях. Особое внимание он обратил на Повесть о Мамаевом побоище этого свода. Сравнивая ее с текстом Тр. (краткий рассказ под 1380 г.), отразившей, по его мнению, Свод 1392 г., В. Л. Комарович пришел к выводу, что Киприан сократил оригинал, а Фотий оставил пропущенные места (о Литве как союзнице Мамаю и др.). Отношениям Руси с Литвой исследователь придавал особое значение, считая их продолжением международных распрей киевского периода. В «Полихроне» он видел «поэтизацию» киевской старины: сюда он относил и легенду о Гостомысле, о поставлении Владимиром Святославичем города на реке Клязьме (Владимира) и др. Но это же означает также, что в XV в. киевская старина «перестает быть политическим прецедентом» и что «после Фотиевского „Полихрона“ история Москвы становится в самом деле историей России».²⁸ Продолжение «Полихрона» В. Л. Комарович видел в Младшей редакции (2-й редакции, по его терминологии) Софийской 1 (у него она названа Софийской 2 — очевидно, ошибочно) летописи. Вслед за А. А. Шахматовым он полагал, что текст протографа ее списков был доведен до 1456 г. С этим годом В. Л. Комарович связывал разрыв отношений с Литвой и окончание двадцатилетней уособицы. Следующее продолжение оканчивалось 1472 г. (Никаноровская летопись и сходные с нею) и было приурочено к битве на р. Шелони. Далее, продолжение до 1480-х гг. «читается в Ростовской летописи, Воскресенской и Эрмитажной».

Кроме изложенного материала в состав рукописи В. Л. Комаровича входит глава «Просвещение XIII—XV вв.» (л. 274—331). Вторая же часть рукописи должна была состоять также из нескольких частей. Глава 1 — «Культурный перелом». В этом месте в рукопись вложена записка, из которой следует, что глава 2 должна была касаться тем «Корсунь, Тмуторокань и Печерские...», а глава 3 — «Переяславль, Мономах и Выдубляне». Эти главы отсутствуют, видимо, они не были написаны. Глава 5 — «Чернигов и Византия».

Кроме неизданной монографии в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся заметки В. Л. Комаровича, озаглавленные в описи как «Заметки его относительно источников Никоновской летописи» (на 27 л.) и датированные маем 1940 г. — ф. 1, оп. 12, № 390. Текст написан рукой В. Л. Комаровича на отдельных листках. Заметки сделаны не одновременно, а, очевидно, по мере работы исследователя с текстом Никоновской летописи.

Предпоследний лист содержит наброски плана темы «Мать — земля».²⁹ Как видим, В. Л. Комарович одновременно обдумывал не только материал Нико-

²⁸ Комарович В. Л. Областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. Л. 266—267.

²⁹ «1. Боброк и Дмитрий на Кул(иковском) поле

2. Белгородский кисель

3. Образ хождения по меже

4. Повесть о Меркурии (Смоленском)

5. Былина о...

6. Обличит(ельная) литература против язычества

7. Покаянные грамоты (Смирнов)

8. Летопись под 982 годом

9. Стригольники

новской летописи, но и новую работу совершенно другого — фольклористско-го, культурно-исторического — плана. Сочетание этого направления и текстологии — возможно, самая яркая черта В. Л. Комаровича как ученого.

Итак, мы подвергли анализу незавершенный труд, черновые материалы и, в определенной степени, предварительные выводы. Конечно, в этом виде работа В. Л. Комаровича уязвима. Невозможно сейчас определить, каковы могли быть результаты книги, стержнем которой предполагалось сделать проблему областных летописных сводов, но именно эта часть исследования как раз осталась ненаписанной. То, что сохранилось, лишь отчасти дает представление о замыслах автора. Но мы можем все-таки понять ход мысли, его методы, его особый «почерк». Для нашего исследования это важнее, чем те выводы, к которым он успел прийти на момент своей смерти и которые не все одинаково важны для современных исследователей летописания. Мы видим, что В. Л. Комарович вслед за А. А. Шахматовым последовательно сравнивал между собой летописные тексты, определял их протографы и лишь на этой основе строил свое видение истории летописания. Поэтому его определенно следует считать ученым шахматовской школы, к которой причисляют обычно по отношению к этому времени историков — М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова. В своих трудах эти исследователи вслед за А. А. Шахматовым решали прежде всего текстологические задачи. Но в сравнении с А. А. Шахматовым они делали гораздо больший акцент на заинтересованности летописцев в том, а не ином освещении событий, и многое строили на отношении к летописи как к отражению политической борьбы. В. Л. Комарович же был первым, кто не просто воспринял сравнительный метод А. А. Шахматова, но соединил его с решением именно филологических задач, занимался исследованием культурного контекста, в котором создавались летописи. Поэтому можно говорить не об одном, а о двух разных направлениях в изучении летописей в конце 1930-х—начале 1940-х гг., идущих от Шахматова. В русле одного из них, кроме М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова, позднее мы видим творчество Я. С. Лурье. Другое также получило развитие. Правда, напрямую задачи, поставленные В. Л. Комаровичем и так, как это делал он, затем никем не решались. Но работы Д. С. Лихачева о летописях как культурно-историческом явлении близки, конечно, именно ему.

---

10. Запреты на погребения, божедомка (Зеленин) и иные сказания

11. Сельский труд земле — роба(?) (обряды, поверья)

12. Чувство пространства (город, двор, терем. etc.), страх перед пустым (абстрактным) пространством: сферические, а не прямолинейные формы др(евне)-р(усской) архитектуры».